

РЕЗАРЬ.

КОБЗАРЬ

Т. ШЕВЧЕНКА.

САЛОНКА ТИШЕ ТЕРБУРБУ.

1840.

ВЪ ТИПОГРАФИИ Е. ФИШЕРА.

ПЕЧАТАТЬ ПОЗВОЛЯЕТСЯ

съ тѣмъ, чтобы по отпечатаніи представлено
было въ Цензурный Комитетъ узаконенное
число экземпляровъ. С.Петербургъ, 12 Февраля
1840 года.

Цензоръ *П. Корсаковъ.*

Думы мои, думы мои,
Лыхо мени зъ вами!
На що стали на папири
Сумными рядами?...
Чомъ васъ витеръ не розвіявъ
Въ степу, якъ пылыну?
Чомъ васъ лыхо не прыспало,
Якъ свою дытыну?....

Бо васъ лыхо на свить на смихъ породило,
 Польшывалы сліозы... чомъ не затопылы,
 Невынеслы вѣ море, нерозмылы вѣ поли?..
 Непыталы бѣ, люды—що вѣ мене больть?
 Не пыталы бѣ, за що проклынаю долю,
 Чого нужу свитомъ?—«Ничого робыть»
 Не казалы бѣ на смихъ...

Квиты мои, диты!

На що васъ кохавъ я, на що доглядавъ?
 Чы заплаче сердце одно на всимъ свити,
 Якъ я зъ вами плакавъ?.. Може и вгадавъ...
 Може найдетьця дивоче
 Серце, кари очи,
 Що заплачуть на си думы —
 Я билше не хочу...
 Одну сліозу зъ очей карыхъ —
 И... панъ надъ панамы!...

Думы мои, думы мои!
 Лыхо мени зъ вами!...

За каріи очынята,
За чорніи бровы
Серце рвалося, сміялось,
Выльвало мову,
Выльвало, якъ умило,
За темніи ночи,
За вышневыи садъ зеленыи,
За ласкы дивочи...
За степы, та за могылы,
Що на Украини
Серце млило, не хотило
Спивать на чужыни.....
Не хотилось въ снигу, въ лиси,
Козацку громаду
Зъ булавами, зъ бунчукамы
Збирать на пораду...
Нехай души козацкіи
Въ Украини витають —
Тамъ шыроко, тамъ весело
Одъ краю до краю....
Якъ та воля, що мынулась,
Днипръ шырокий — море,

Степъ и степъ, ревуть пороги,
И могымы — горы, —
Тамъ родылась, гарцювала
Козацкая воля;
Тамъ Шляхтою, Татарамы
Засивала поле,
Засивала трупомъ поле,
Поки не остыло...
Дягла спочыть... а тымъ часомъ
Выросла могыла,
А надъ нею орелъ чорный
Сторожемъ литае
И про неи добрымъ людямъ
Кобзари спивають,
Все спивають, якъ діялось,
Слипи неборакы, —
Бо дотепни... А я,... а я
Тилько вмю плакать,
Тилько сліозы за украйну,...
А слова — не мае...
А за лыхо—....Та цуръ іому!
Хто іого не знае!...

А надто, той, що дивытця
 На людей душою —
 Пекло йому на симъ свити,
 А на тимъ...

Журбою

Не наклычу собі доли,
 Коли такъ не маю.
 Нехай злыдни живуть три дни —
 Я ихъ заховаю,
 Заховаю змію люту
 Коло свого серця,
 Щобъ ворогы не бачылы,
 Якъ лыхо сміетця...
 Нехай думка, якъ той воронъ,
 Литає, та кряче,
 А серденько соловейкомъ
 Щебече, та плаче
 Нышкомъ — люды непобачуть,
 То й не засміютця...
 Не втырайте жъ мои сліозы,
 Нехай собі льютця,

Чуже поле поливають
 Що дня и що ночи,
 Поки попы не засыплють
 Чужымъ пискомъ очи...
 Оттаке-то... а що робыть!
 Журба не поможе.
 Хто жъ сироти завидуе —
 Карай того, Боже!

Думы мои, думы мои,
 Квиты мои, диты!
 Выроставъ васъ, доглядавъ васъ —
 Дежъ мени васъ диты?...
 Въ Украину идить, диты!
 Въ нашу Украину,
 Попидъ тынью, сиротамы,
 А я — тутъ загыну.
 Тамъ найдете шыре серце
 И слово ласкаве,

Тамъ найдете шыру правду,
А ще, може, й славу...

Прывитай же, моя ненько!
Моя Украино!
Моихъ дитокъ не розумныхъ,
Якъ свою дытыну.

ПЕРЕБЕНДЯ.

Э. Ш. ПРИБИЖКЪ.

Перебендя старый, слепой —
Хто його не знае!
Винъ усюды вештаеця,
Та на кобзи грае, —
А хто грае, того знають
И дякують люды.

Винъ имъ тугу розганяе,
 Хоть самъ свитомъ нудыть.
 Попидътынью сиромаха
 И днюе й ночеуе,
 Нема іому въ свити хаты;
 Недоля жартуе
 Надъ старою головою, —
 А іому байдуже:
 Сяде соби, заспивае —
 «Ой не шумы, луже!»
 Заспивае, тай згадае,
 Що винъ сыротына,
 Пожуритця, посумуе,
 Сыдячы пидъ тыномъ.

Оттакый-то Перебендя,
 Старый, та хымерный:
 Заспивае про *Чалого*,
 На *Горлыцю* зверне;
 Зъ дивчатымы, на выгони,
Грьця, та *веснянку*,
 А у шынку, зъ парубкамы

Сербина, шынкарку;
 Зъ жонатымы на бенкети
 (Де свекруха злая),
 Про тополю-лыху долю,
 А потимъ — у гаю;
 На базари про *Лазаря*;
 Або, щобъ те зналы,
 Тяжко, важко заспивае
 Якъ Сичь руйновалы. —
 Оттакый-то *Перебендя*,
 Старый, та хымерный:
 Заспивае — засміетця,
 А на сліозы зверне.

Витеръ віе, повивае,
 По полю гуляе —
 На могыли кобзарь сыдыть,
 Та на кобзи грае;
 Кругомъ іого степь, якъ море
 Широке, сынїе,
 За могылою—могыла,
 А тамъ — тилько мріе. —

Билый усъ, стару чупрыну
 Витеръ розвивае,
 То прыляже, та послуха,
 Якъ кобзарь спивае,
 Якъ сердце сміетця, слипи очи плачуть—
 Послуха,... повіе...

Старый заховавсь
 Въ степу, на могыли, щобъ ништо не-
 бачывъ,
 Щобъ витеръ по полю слова размахавъ,
 Щобъ люды не чулы—бо то Боже слово,
 То сердце по воли зъ Богомъ розмовля,
 То сердце щибече Господнюю славу...
 А думка край свита на хмари гуля
 Орломъ сызокрылымъ литае, шырѣе,
 Ажъ небо блакытне шырокымы бѣе,
 Спочыне на сонци, іого запытае —
 Де воно ночуе? — Якъ воно встае? —
 Послухае моря що воно говорыть? —
 Спыта чорну гору — чого ты нима? —
 И знову на небо, бо на земли горе,

Бо на ій, шырокій, куточка нема
 Тому, хто все знае, тому, хто все чуе :
 Що море говорить, де сонце ночуе —
 Іого на симъ свити ніхто непрыйма :
 Одынъ винъ межъ нымы, якъ сонце
 високе ;

Іого знають люды—бо носыть земля....
 А якъ бы почулы що винъ, одынокій,
 Спива на могыли, зъ моремъ розмовля—
 На Божее слово вони бъ насміялысь,
 Дурнымъ бы назвалы, одъ себе прогналы :
 Нехай по надъ моремъ, казалыбъ, гуля.

Добре есы, мій кобзарю!
 Добре, батьку, робышь,
 Що спиваты, розмовляты
 На могылу ходышь!
 Ходы соби, мій голубе,
 Покры не заснуло
 Твое серце, та выпивуй
 Щобъ люды не чулы ;

А шобъ тебе не цуралысь —
Погурай имъ, брате!...
Скачы, враже, якъ панъ каже —
На те винъ богатый. —

Оттакый-то Перебендя
Старый, та хымерный:
Заспивае весильной,
А на журбу зверне.

КАТЕРИНА.

В. А. ЖУКОВСКОМУ.

НА ЗАКАЗЪ ПЕЧАТНИКА АЛЕКСАНДРА КОСОВСКОГО.

I.

Кохайтеса, чернобрыви!
Та не зъ Москалямы, —
Бо Москали — чужи люды,
Роблять лыхо зъ вамы.
Москаль любить жартуючы;
Жартуючы кыне,

Пиде въ свою Московщину ,
 А дивчына гыне...
 Якъ бы сама , шебъ ничего ,
 А то й стара маты ,
 Що родыла на свитъ Божый ,
 Мусыть погыбаты ;
 Серце вяне , спиваючы ,
 Колы знае , за шо ;
 Люды серця не спытають ,
 А скажуть «ледащо!»...
 Кохайтеся жь , чернобрыви ,
 Та не зъ Москалямы ,
 Бо Москали — чужи люды ,
 Сміютця надъ вами .

Не слухала Катерына
 Ни батька , ни ненькы —
 Полюбыла Москалыка ,
 Якъ знало серденько ,
 Полюбыла молодого ,
 Въ садочокъ ходыла ,
 Покры себе , свою долю

Такъ за напастыма. —
Клыче маты вечеряты,
А донька не чуеть;
Де жартуе зъ Москалыкомъ,
Тамъ и заночуеть...
Не дви ночи кари очи
Любо цимовала,
Покры слава на все село
Не дообрая стала.
Нехай соби злыи люды
Що хотять, говорятъ, —
Вона любыть, и не чуеть,
Що вкралося горе:
Прийшлы висты не добрыи —
Въ походъ затрубныи,
Пишовъ Москаль въ Туреччыну...
Катрусю накрымы.
Не счулася, та й байдуже,
Що коса покрыта!
За мылого, якъ спиваты,
Любо потужыты.
Обицявся чернобрыый,

Колы не загыне,
Обицьявся вернутыся —
Тоди Катерына
Буде соби Московкою,
Забудетця горе, —
А покы ще, нехай люды,
Що хотять, говорятъ —
Не журытця Катерына! . . .
Слизонькы втырае,
Що дивчата на улыци
Безъ неи спивають.
Не журытця Катерына? —
Вмыетця сліозою,
Визьме видра опивночи,
Пиде за водою,
Щобъ ворогы небачылы,
Прыйде до крыныци,
Стане соби пидъ калыну,
Заспивае *Грыця*,
Выспивуе, вымовляе,
Ажъ калыне плаче, —
Вернулася — и раденька

Що нихто не бачивъ.
Нежуритця Катерина? —
И гадкы не мае!
У новенькій хустыноци
Въ окно выглядае,
Выглядае Катерина...
Мынуло пивъ року,
Занудыло коло серця,
Заколело въ боку,
Нездужае Катерина,
Ледве, ледве дыше,...
Вычуняла, та въ запичку
Дытыну колыше,
А жиночки лыхо дзвонять,
Матери глузують,
Що Москали вертаются,
Та въ неи ночують.
— Въ тебе дочка чорнобрыва,
Та ще й не едына,
А муштруе у запичку
Московського сына....
Чорнобрываго прыдбала, —

Мабуць, сама вчыла! —
 — Бодай же васъ, цокотухы!
 Та злыдни побылы! —

.

Катерыно, серце мое!
 Лышенько зъ тобою!
 Де ты въ свити подинесся
 Зъ малымъ сыротою?
 Хто спытае, прывитае,
 Безъ милого, въ свити?
 Батько, маты — чужи люды,
 Тяжко зъ нымы жыты! —

Вычуняла Катерына.
 Одсуне кватырку,
 Поглядае на улыцю,
 Колыше дытынку,
 Поглядае — не ма, не ма!
 Чы тожъ и не буде?...

Пишла бѣ въ садокъ поплакаты,
 Такъ дывлятця людѣ.
 Зайде сонце — Катерына
 По садочку ходыть,
 На рученькахъ носыть сына,
 Очыщи поводыть:
 — Отутъ зѣ муштру выглядала,
 Отутъ розмовляла,
 А тамъ....а тамъ....сыну! сыну! —
 Та й не доказала....

Зеленіють по садочку
 Черешни, та вышни,
 Якъ и перше выходыла,
 Катерына выйшла,
 Выйшла, та вже не спивае,
 Якъ перше спивала,
 Якъ Москаля молодого
 Въ вышныкъ дожыдала,
 Не спивае чорнобрыва,
 Клыне свою долю,
 А тымъ часомъ, вороженькы

Чыняць свою волю,
Куюць ричі не добрыя.
Що мае робыты! —
Як бы мыльі-чорнобрывы —
Умив бы спыныты....
Так даалеко чорнобрывы —
Не чуе, не бачыць,
Як ворагы сміютця ій,
Як Катруся плаче.
— Може вбыты чорнобрывы
За тыхым Дунаем!...
А можа вже ў Масковшчыні
Другую кохае! —
Ні! чорнявы не убыты —
Він жывы, здоравы! —
А де ж знайде такі очі,
Такі чорні бровы?
На край світа, ў Масковшчыні,
По тым боці мора,
Нема нігдэ Катерыны —
Та здалася на горе —
Вміла маты бровы даты,

Кари очынята,
Та не вмила на симъ свити
Щастя, доли даты,
А безъ доли биле лычко.
Якъ квитка на поли —
Пече сонце, гойда витерь,
Рве всякый по воли....
Умывай же биле лычко
Дрибными сліозамы —
Бо вернулись Москалыкы
Иншымы шляхамы

II.

Сыдыть батько въ кинци стола,
На руки схылывся,
Не дывытця на свитъ Божый,
Тяжко зажурывся,
Коло іого стара маты
Сыдыть на ослони .

За сліозамы ледве, ледве
 Вымовляе дони
 — Що весилья, доню моя!
 А де жъ твоя пара?
 Де свитылка зъ друженькамы,
 Старосты, бояра?
 Въ Московщыни, доню моя!...
 Иды жъ ихъ шукаты,
 Та не кажы добрымъ людямъ,
 Що е въ тебе маты.
 Проклятый часъ-годыненька,
 Що ты народылась!
 Якъ бы знала, до схида сонця
 Було бъ утопыла —
 Здалась тоди бъ ты гадыни,
 Теперь Москалеви....
 Доню моя, доню моя!
 Цвите мій рожевий!
 Якъ ягідку, якъ пташечку
 Кохала, ростыла
 На лышенько.... Доню моя!
 Що ты наробыла!...

Одячыла!... Иды жъ, шукай
 У Москви свекрухы,
 Не слухала ричей моихъ,
 То ии послухай.
 Иды, доню, найды ии,
 Найды, прывитайся,
 Будь щаслыва въ чужыхъ людяхъ!...
 До насъ не вертайся,
 Не вертайся, дытя мое!
 Зъ далекого краю...
 А хто жъ мою головоньку
 Безъ тебе сховае?...
 Хто заплаче надо мною,
 Якъ ридна дытына?...
 Хто посадыть на могыли
 Червону калыну!...
 Хто, безъ тебе, гришну душу
 Помынаты буде!...
 Доню моя, доню моя!
 Дытя мое любе!
 Иды одъ насъ! — Ледве, ледве
 Поблагословила :

— Богъ съ тобою! — та якъ мертва
На дилъ повалылась. —
Обизвався старый батько:
— Чого ждешь, небого? —
Зарыдала Катерына,
Та бухъ іому въ ноги:
— Просты мени, мій батечку!
Що я наробыла,
Просты мени, мій голубе,
Мій соколе мылый! —
— Нехай тебе Богъ прощае,
Та добрыи люды,
Молысь Богу, та йды соби —
Мени легше буде. —
Ледве встала, поклонылась,
Выйшла, мовчкы, зъ хаты —
Осталыся сыротамы
Старый батько й маты.
Пишла въ садокъ у вышневыи,
Богу помолылась,
Взяла земли пидъ вышнею,
На хрестъ почепыла,

Промовыла—не вернуса!
 Въ далекому краю,
 Въ чужу землю, чужи люды
 Мене заховають,
 А свои ся крыхотка
 Надо мною ляже,
 Та про долю, мое горе,
 Чужымъ людямъ скаже....
 Не розкажуй, голубонько!
 Де бѣ ни заховалы,
 Щобъ гришнои на симъ свити
 Люды не займалы....
 Ты не скажешъ.... Ось хто скаже,
 Що я його маты....
 Боже ты мій!... Лыхо мое!...
 Де мени сховатысь!...
 Заховаюсь, дытя мое!
 Сама пидъ водою,
 А ты грихъ мій спокутуешь
 Въ людяхъ сыротою,
 Безбачченкомъ!...

Пишла селомъ,

Плаче Катерына ,
На голови хустыночка,
На рукахъ дытына ;
Выйшла зъ села, — сердце ные ,
Назадъ подывылась ,
Покывала головою ,
Та й заголосыла ,
Якъ дерево, стала въ поли ,
Пры бытій дорози ,
Якъ роса та до схидъ сонця ,
Покапалы сліозы ;
За сліозамы, за гиркымы
И свита не бачыть ,
Тилько сына прыгортае ,
Цилуе, та плаче ,
А воно, якъ янгелятко ,
Ничого не знае ,
Маленькымы ручыцямы
Пазухы шукае....

Сило сонце; зъ за дїбровы
 Небо червоніе,
 Утерлася, повернулася,
 Пишла.... тилько мріе.
 Въ сели довго говорымы
 Дечого багато,
 Та не чулы вже тыхъ ричей
 Ни батько, ни маты....

Оттаке то на симъ свити
 Роблять людамъ люды —
 Того вяжуть, того рижуть, —
 Той самъ себе губыть, —
 А завищо — Святый знае!...
 Свить, бацьця, шырокий, —
 Та не ма де прыхылытця
 Въ свити одынокымъ;
 Тому доля запродала
 Одъ краю до краю,
 А другому оставыла
 Те, де заховають.
 Де жъ ти люды, де жъ ти добри,

Що серце збиралось
 Зъ ными жыты, ихъ любыты?
 — Пропалы, пропалы! —

Есть на свити доля —
 А хто їи знае!...
 Есть на свити воля —
 А хто їи мае?...
 Есть люды на свити —
 Срибломъ, злотомъ ссяють,
 Здаецця, панують —
 А доли не знають!
 Ни доли, ни воли!...
 Зъ нудьгою, та горемъ
 Жупанъ надивають,
 А плакаты — соромъ....
 Возьмить срибло, злото,
 Та будьте багати,
 А я возму сліозы —
 Лыхо вымываты...
 Затоплю недолю
 Срибными сліозамы,

Затопчу неволю
Билымы ногамы, —
Тоди я веселый,
Тоди я багатый,
Якъ буде сердёнько
По воли гуляты....

III.

Крычать совы, спить диброва,
Зиронькы сіяють,
По надъ шляхомъ, щырыцею,
Ховряшкы гуляють,
Спочывають добри люды,
Кого що втомыло —

Кого щастя, кого сліозы —
 Все ничка покрыма,
 Всихъ покрыма темнисинька,
 Якъ диточокъ маты —
 Де жъ Катрусю прыгорнула?
 Чы въ лиси, чы въ хати?
 Чы на поли, пидъ копою,
 Сына забавляе?
 Чы въ диброви, зъ пидъ колоды,
 Вовка выглядае?...
 — Бодай же васъ, чорни бровы,
 Никому не маты,
 Кома за васъ таке лыхо
 Треба одбуваты!
 А що дальше спиткаецця?...
 Буде лыхо, буде!
 Зостринутця жовти пискы
 И чужіи люды,
 Зостринетця зима люта....
 А той — чы зострине,
 Що пизнае Катерыну,
 Привитае сына?...

Эъ нымъ забула бѣ чернобрыва
 Шляхы, пискы, горе :
 Винъ, якъ маты, привитае,
 Якъ братъ заговорить....
 Побачымо, почуемо!
 А помы — спочыну,
 Та тымъ часомъ, распытаю
 Шляхъ на Московщыну. —
 Далекый шляхъ, паныбраты!
 Знаю іого, знаю!
 Ажъ на серцы похолоне,
 Якъ іого згадаю.
 Попомиравъ и я колысь,
 Щобъ іого не мирять!
 Росказавъ бы про те лыхо,
 Та чы то жъ повирять!
 — Бреше, скажуть, сякый-такый!
 (Звычайно, не въ очи)
 А такъ тилько, псуе мову,
 Та людей морочыть. —
 Правда ваша, правда люды!

Та й на шо те знаты,
 Що сліозамы передь вамы
 Буду вымываты!...
 На шо воно!... У всякого
 И свого чымало, —
 Цуръ же іому!... а тымъ часомъ,
 Кете лышь кресало,
 Та тютюну, — щобъ, знаете,
 Дома не журылысь,
 А то лыхо росказувать,
 Щобъ брыдке прыснилось!
 Нехай іого лыхий возьме!
 Лучче жъ помиркую,
 Де то моя Катерына
 Зъ Ивасемъ мандруе.

За Києвомъ, та за Днипромъ,
 По пидъ темнымъ гаемъ,
 Идутъ шляхомъ чумаченькы,
Пугача спивають;
 Иде шляхомъ молодыця, —
 Мусыть буты съ прощи.

Чого жъ смутна , не весела ?
 Заплакани очи ?
 У латаній свытотци ,
 На плечахъ торбына ,
 Въ руци цыпокъ , а на другій
 Заснула дытына .
 Зострилася съ чумакамы ,
 Закрыла дытыну ,
 Пытаецця : — люды добри !
 Де шляхъ въ Московщыну ? —
 — Въ Московщыну ? Отцей самый .
 Далеко , небого ? —
 — Въ саму Москву . Хрыста рады
 Дайте на дорогу ! —
 Бере шага , ажъ трусытця —
 Тяжко , іого браты !
 Та й на вищо ?... А дытына !...
 Вона жъ іого маты
 Заплакала , пишла шляхомъ ,
 Въ Броваряхъ спочыла ,
 Та сынови за гиркого
 Медяныкъ купыла

Довго, довго сердешная
 Все йшла, та пытала,
 Було таке, що й пидъ тыномъ
 Зъ сыномъ ночувала....

Бачь, на що здалыся кари очынята —
 Щобъ пидъ чужымъ тыномъ сліозы
 выливать!...

Ото жъ-то дывитця, та кайтесь, дивчата,
 Щобъ недовелося Москаля шукать,
 Щобъ недовелося, якъ Катря шукае —
 Тоди не пытайте, за що люды лають,
 За що непускають въ хату ночувать,
 Не пытайте, чорноброви, —
 Бо люды те знають,
 Кого Богъ кара на свити, —
 То й воны карають!
 Люды гнутця, якъ ти лозы,
 Куды витеръ віе.
 Сыротыни сонце свитыть,
 Свитыть — та не гріе....
 Люды бъ сонце заступымы,

Якъ бы малы сылу,
 Щобъ сироти не свитыло,
 Сліозы не сушыло....
 А за вищо, Боже мылый!
 За що свитомъ нудыть?
 Що зробыла вона людямъ?
 Чого хотять люды?
 Щобъ плакала!... Серце мое!
 Не плачь, Катерино!
 Не показуй людямъ сліозы,
 Терпы до загыну,
 А щобъ лычко не марило,
 Съ чорнымы бровамы,
 До схидъ сонця, въ темнимъ лиси,
 Умыйся сліозамы,
 Умыешся, не побачуть,
 То й не засміютця,
 А серденько одпочыне,
 Покры сліозы льютця.

.

.

 Дежъ Катруся блудыть?...
 По пидъ тынью ночувала,
 Раненько вставала,
 Поспишала въ Московщину.
 Ажъ — гулькѣ: зима впала:
 Свыще полемъ заверюха —
 Иде Катерына
 У лычакахъ... лыхо тяжке!
 И въ одній свытыни,
 Иде Катря, шкандыбае,
 Дывытця — щось мріе...
 Лыбонь идуть Москалыкы...
 Лыхо!... сердце мліе...
 Полетила, зострилася,
 Пыта — чы не мае
 Мого Йвана чорнявого? —
 А ти — мы не знаемъ. —
 И звычайно, якъ Москали,
 Сміютця, жартують:

— Ай, да баба! ай, да наши!
 Кого не надуютъ! —
 Подывылась Катерына:
 — И вы, бачу, люды!
 Не плачь, сыну — мое лыхо!
 Що буде, той буде!
 Пиду дальше — бильшь ходыла,
 А може й зострину,
 Оддамъ тебе, мій голубе,
 А сама загыну. —

Реве, стогне хуртовына,
 Котыть, верне полемъ;
 Стоит Катря середъ поля,
 Дала сліозамъ волю.
 Утомылась заверюха,
 Де-де позихае:
 Ще бѣ плакала Катерына,
 Та сліозъ бильшь не мае....
 Подывылась на дытыну —
 Умыте сліозою,

Червоніе, якъ квиточка
Вранци пидъ росою....
Усмихнулась Катерина,
Тяжко усмихнулась,
Коло сердца, якъ гадына
Чорна повернулась;
Кругомъ, мовчкы, подывылась —
Бачыть — лисъ чорніе,
А пидъ лисомъ, край дороги,
Лыбонь куринь мріе.
— Ходимъ, сыну! смеркаетця,
Колы пустять въ хату,
А непустять — то й на двори
Будемъ ночуваты;
Пидъ хатою заночуемъ,
Сыну мій, Иване!
Дежъ ты будешъ ночуваты,
Якъ мене не стане?...
Зъ собакамы, мій сыночку!
Кохайся на двори —
Собакамы зли — кусають,
Та не заговорять,

Не розкажуть, сміючыся....

Съ псамы исты й пыты!

Бидна моя головенько!

Що мени робыты!...

IV.

.
.

Реве, свыще заверюха,
По лису завыло,
Якъ те море, биле поле
Снигомъ покотылось.

Выйшовъ зъ хаты карбивнычый,
 Щобъ лись оглядиты,
 Та де тоби! Таке лыхо,
 Що не видно й свита.
 — Эге, бачу! яка fuga!
 Цуръ же іому зъ лисомъ,
 Питы въ хату.... Що тамъ таке?...
 Отъ ихъ достобиса!
 Недобра ихъ розносыла,
 Мовъ, справди, за диломъ!
 Нычypе! дывысь лышень,
 Яки побилили! —
 — Що? Москали? — Де Москали? —
 — Що ты! Схаменяся! —
 — Де Москали-лебедыкы?... —
 — Та онъ, подывыся. —
 Полетила Катерына
 И не одяглася.
 — Мабуть, добре Московщина
 Въ тямку їй далася!
 Бо у ночи тилькы й знае,
 Що Москаля клыче. —

Черезъ пенькы, заметамы
Летыть, ледве дыше,
Боса стала середъ шляху,
Втерлась рукавамы,
А Москали ій назустрічь,
Якъ одынь, верхамы.
— Лыхо мое, доле моя! —
До ихъ колы гяне —
По переду старшый иде.
— Любый мій Иване!
Серце мое коханее!
Дежъ ты такъ барывся! —
Та до іого, за стремяна, —
А винъ подывывся,
Та шпорамы коня въ боки.
— Чого жъ утикаешь?
Хыба забудь Катерыну?
Хыба не пизнаешь?
Подывыся, мій голубе!
Подывысь на мене —
Я Катруся твоя люба.
На що рвешъ стремяна? —

А винъ коня поганяе ,
 Нибыто й не бачыць .
 — Пострывай же , мій голубе !
 Дывысь — я не плачу ;
 Ты не пизнавъ мене , Йване ;
 Сердце ! подывыся ,
 Ей же Богу ! я Катруся ! —
 — Дура , отвяжися !
 Возьмите прочь безумную . —
 — Боже мій !... Ивасю !
 И ты мене покыдаешъ !
 А ты жъ прысягався ! —
 — Возьмите прочь ! — Что жъ вы стали ! —
 — Кого ? мене взяты ?...
 За що жъ , скажы , мій голубе !
 Кому хочь оддаты
 Свою Катрю , що до тебе
 Въ садочокъ ходыла ,
 Свою Катрю , що для тебе ,
 Сына породыла ?...
 Мій батечку , мій братику !
 Хочь ты не цурайся !

Наймычкою тоби стану....
 Зъ другою кохайся, ...
 Зъ цылымъ свитомъ.... я забуду,
 Що колысь кохалысь,
 Що одъ тебе сына мала,
 Покрыткою стала, ...
 Покрыткою.... якый соромъ!
 И за що я гыну!...
 Покынь мене, забудь мене,
 Та не кыдай сына.
 Не покынешь?... Серце мое,
 Не втикай одъ мене —
 Я вынесу тоби сына. —
 Кынула стремена,
 Та въ хатыну, — вертаетця,
 Несе йому сына;
 Не сповыта, заплакана
 Сердешна дытына.
 — Ось-де воно, — подывыся!
 Дежъ ты заховався?
 Утикъ.... не ма!... Сына, сына
 Батько одцурався....

Боже ты мій!... Дытя мое!
 Де динусь зь тобою?...
 Москалыкы! голубчыкы!
 Возьмить за собою,
 Не цурайтесь, лебедыкы!
 Воно сыротына,
 Возьмить іого, та оддайте
 Старшому за сына,...
 Возьмить іого.... Бо покыну,
 Якъ батько покынувъ, —
 Бодай іого не кыдала
 Лыхая годына!...
 Грихомъ тебе на свить Божый
 Маты породыла —
 Выростай же, на смихъ людамъ! —
 На шляхъ положыла.
 — Оставайся шукать батька,
 А я вже шукала.... —
 Те въ лисъ, зь шляху, якъ нависна,
 А дытя осталось,...
 Плаче, бидне! — А Москалямъ
 Байдуже — мынули.

Воно й добре, та на лыхо
Лиснычи почулы...

Бига Катря боса лисомъ,
Бига, та голосыть,
То проклына свого Йвана,
То плаче, то просыть,
Выбигае на возлисса —
Кругомъ подывылась,
Та въ яръ.... бижыть,... середъ ставу
Мовчкы опынылась....
— Прыймы, Боже! мою душу.
А ты мое тило. —
Шубовсть въ воду! По пидъ людомъ
Геть загуркотило....

Чорнобрыва Катерына
Найшла, що шукала, —
Дунувъ витерь по надъ ставомъ —
И слиду не стало.

То не витеръ , то небуйный ,
Що дуба ламае , —
То не лыхо , то не тяжке ,
Що маты вмирае ,
Не сироты мали диты ,
Що неньку сховалы —
Имъ зосталась добра слава ,
Могыла зосталась ;
Засміютця зліи люды
Малій сиротыни:
Вылье сліозы на могылу —
Серденько спочыне....
А тому , тому на свити ,
Що іому зосталось ,
Кого батько и не бачывъ ,
Маты одцуралась?...
Що осталось.....?
Хто зъ нымъ заговорыть?...
Ни родыны , ни хатыны , —
Шляхы , пискы , горе....

Паньске лычко, чорни бровы
На що? — Щобъ пизналы!...
Змаліовала, не сховала —
Бодай польнялы!...

v.

Ишовъ Кобзарь до Кыева ,
Та сивъ спочываты ;
Торбынкамы обвишаний,
Юго повожатый ,
Мале дытя , била юго
На сонци куняе ,

А тымъ часомъ , старый кобзарь.

Исуса спивае.

Хто йде, ъде — не мынае,

То бублыкъ , то гроши ;

Хто старому, — а дивчата

Шажокъ михоноши.

Задывлятця черноброви —

— И босе , и голе!

Дала , кажутъ , бровынята ,

Та не дала доли !

Ъде шляхомъ до Кыева

Берлынъ шестернею ,

А въ Берлыни госпоdynя ,

Съ паномъ и симьею ,

Опынѣвся протывъ старцивъ ,

Курява лягае , —

Побигъ Ивась , бо зъ виконця

Рукою махае ;...

Дае гроши Ивасеви ,

Дывуетця пани ,

А панъ глянувъ ,... одвернувся....

Пизнавъ, препоганый,
Пизнавъ тїи кари очи,
Чорни бровынята
Пизнавъ батько свого сына....
Та не хоче взяты.
Пыта пани — якъ зоветця?
— Ивась. — Какой милый! — ...
Бермынъ рушывъ, а Ивася
Курява покрыла.
Поличымы, що досталы,
Всталы сиромахы,
Помолымысь на схидъ сонця,
Пишлы по надъ шляхомъ.

Т О П О Л Я ,

И. С. ИЕРРОВОЙ.

По диброви витеръ вые,
Гуляе по полю,
Край дороги гне тополю
До самого долу. —
Станъ высокій, листь широкій
На шо зеленіе?

Кругомъ поле, якъ те море
Шыроке, сынiе.

Чумакъ иде, подывытця
Та й голову схылить,
Чабанъ вранци зъ сопилкою
Сяде на могыли,
Подывытця — сердце ные:
Кругомъ ни былины: —
Одна, одна, якъ сырота
На чужыни, гине!

Хто жъ выкохавъ тонку, гнучку
Въ степу погыбаты?
Пострывайте — все рѣскажу.
Слухайте жъ, дивчата!

Полюбыла чорнобрыва
Козака дивчына.
Полюбыла — не спыныла:
Пишовъ — та й загынувъ....
Якъ бы знала, що покыне —
Було бъ не любыла;

Якъ бы знала, що загыне —
 Було бъ не пустыла;
 Якъ бы знала — не ходыла бъ
 Пизно за водою,
 Не стояла бъ до пивночи
 Эъ мылымъ пидъ вербою;
 Якъ бы знала!...

И то лыхо —

По переду знаты,
 Що намъ въ свити зостринетця....
 Не знайте, дивчата!
 Не пытайте свою долю!...
 Само сердце знае
 Кого любить: нехай вяне,
 Покры закопають, —
 Бо не довго, черноброви!
 Кари очынята,
 Биле лычко червоніе —
 Недовго, дивчата!
 До полудня, та й завьяне,
 Бровы полыняють —

Кохайтєся жь , любитєся ,
Якь серденько знає .

Зашебече соловейко
Въ лузи на калыни ,
Заспиває козаченько ,
Ходя по долини , —
Спива соби , покы выйде
Чорнобрыва зъ хаты —
А винъ ии запытає :
— Чы не была маты ? —
Стануть соби , обіймутця —
Спива соловейко :
Послухають , розійдутця ,
Обое раденьки....
Нихто того не побачыть ,
Нихто не спытає :
— Де ты була , що робыла ? —
Сама соби знає....
Любылася , кохалася ,
А серденько млило —
Воно чуло недоменьку ,

А сказать не вмило ;
 Несказало — осталася ,
 День и ничь воркуе,
 Якъ голубка безъ голуба, —
 А никто не чуе....

Не щибече соловейко
 Въ лузи надъ водою,
 Не спивае чернобрыва,
 Стоя пидъ вербою,
 Не спивае, — якъ сырота,
 Билымъ свитомъ нудыть :
 Безъ мылого батько, маты
 Якъ чужин люды,
 Безъ мылого сонце свитыть —
 Якъ ворогъ сміетця,
 Безъ мылого скризь могыла,....
 А серденько бьетця.

Мынувъ и рикъ, мынувъ другый —
 Козака не мае :
 Сохне вона, якъ квиточка :

Нихто не пытае:

— Чого вьянешь, моя доню? — ...

Маты не спытала,
За старого, багатого
Ныщечкомъ еднала.

— Иды доню, каже маты,
Не викъ дивуваты!

Винъ багатый, одынокый —
Будешь пануваты. —

— Не хочу я пануваты,
Не пиду я, мамо!

Рушныкамы, шо прыдбала,
Спусты мене въ яму;

Нехай попы заспивають,

А дружкы поплачуть —

Легше мени въ труни лежать,

Якъ іого побачыть. —

Не слухала стара маты,

Робыла шо знала —

Все бачыла чорнобрыва,

Сохла и мовчала.

Пишла въ ночи до ворожки,
 Щобъ поворожыты —
 Чы довго ій на симъ свити
 Безъ мылого жыты?...
 — Бабусенько, голубонько,
 Серце мое, ненько!
 Скажы мени щыру правду —
 Де мылый-серденько?
 Чы живъ-здоровъ, чы винъ любыть?
 Чы забувъ-покынувъ?
 Скажы жъ мени — де мій мылый?
 Край свита полыну!
 Бабусенько, голубонько!
 Скажы, колы знаешь....
 Бо выдае мене маты
 За старого замижъ.
 Любыть іого, моя сыза!
 Серце не навчыты:
 Пишлабъ же я утопылась —
 Жаль душу згубыты....
 Колы не живъ чорнобрыый,
 Зробы, моя пташко!

Щобъ до дому не вернулась....
 Тяжко мени, тяжко!
 Тамъ старый жде съ старостами...
 Скажы жь мою долю. —
 — Добре, доню! Спочынь трошкы, —
 Скажу твою долю...
 Сама колысь дивувала —
 Тее лыхо знаю;
 Мынулося — навчылася:
 Людямъ помагаю.
 Твою долю, моя доню!
 Позаторикъ знала,
 Позаторикъ и зиллячка
 Для того прыдбала. —
 Пишла стара, мовь каламарь,
 Достала съ польци.
 — Ось на тоби сіого дыва.
 Пиды до крыныци,
 Покры пивни не спивалы,
 Умыйся водою,
 Выпый трошкы сіого зилля,
 Все лыхо загонтъ.

Выпьешь — бижы, яко мога;
Щобъ тамъ ни крычало,
Не оглянся, покы станешь
Ажъ тамъ, де прощалась.
Одпочынешь; а якъ стане
Мисяць середъ неба
Выпый ще разъ; не прыиде —
Въ третъ выпыть треба.
За першый разъ, якъ за той рикъ,
Будешь ты такою;
А за другый, середъ степу
Тупне кинь ногою —
Колы жывый козаченько,
То заразъ прыбуде.....
А за третій, моя доню!
Не пытай що буде.....
Та ще, чуешь, не хрестыся —
Бо все пиде въ воду....
Теперь же йды, подывыся
На торишню вроду. —

Взяла зилля, поклонилась,

— Спасыби, бабусю! —

Выйшла зъ хаты — чы йты, чы ни?...

Ни! вже невернуся! —

Пишла.... Вмылась, напылася,

Побигла, та й стала,

Вдруге, втретъ, та мовъ сонна

Въ степу заспивала:

«Плавай, плавай, лебедонько!

По сыніому морю—

Росты, росты, тополенько!

Все въ гору, та въ гору,

Росты тонка, та висока,

До самой хмары, —

Спытай Бога, чы диждуся,

Чы не дижду пары?

Росты, росты, подывыся

За сынее море —

По тымъ боци — моя доля,

По симъ боци — горе.

Тамъ десь мылий, чорнобровый

По полю гуляе,

А я плачу, лита трачу,
Юго выглядаю.
Скажы іому, мое серце!
Що сміютця люды,
Скажы іому, що загыну,
Колы не прыбуде!
Мене маты сама хоче
Въ землю заховаты....
А хто жь їи головоньку
Буде доглядаты?
Хто догляне, роспытае,
На старисть поможе!
Мамо моя!... доле моя!...
Боже мылый, Боже!...

Подывыся, тополенько!
Якъ нема, заплачешь,
До схидь сонця, ранисинько,
Щобъ ништо не бачывъ....

Росты жь, серце-тополенько
Все въ гору, та въ гору;

Плавай, плавай, лебедонько!
По синіому морю.»

Таку пісню чорнобрыва
Въ степу заспівала....
Зилля дыва наробыло —
Тополею стала,
Не вернулася до дому,
Не диждала пары —
Тонка, тонка, та висока,
До самой хмары.

По диброви витерьъ вые,
Гуляе по полю,
Край дороги гне тополю,
До самого долу.

ДУМКА.

На що мени чорни брови,
На що кари очі,
На що літа молодіи,
Весели, дивочи!...
Літа мої молодіи
Марно пропадають,

Очи плачуть, чорни бровы
Одъ витру лыняють;
Серце вяне, нудыть свитомъ
Якъ пташка безъ воли —
На що жь мени краса моя,
Колы нема доли!
Тяжко мени сыротою
На симъ свити жыты —
Свои люды якъ чужіи:
Ни съ кымъ веселытысь.
Нема кому распытаты —
Чого плачуть очи?
Нема кому розказаты —
Чого серце хоче,
Чого серце, якъ голубка,
День и ничь воркуе; —
Никто іого не пытае,
Не знае, не чует.
Чужи люды не спытають —
Та й на що пытаты!...
Нехай плаче сыротына,
Нехай лита тратыть! —

Плачь же, сердце! плачте, очи!
Поки не заснулы,
Голоснише, жалибнише,
Щобъ витры почулы,
Щобъ понеслы, буйнесеньки,
За сынее море
Чорнявому, зрадливому,
На лютее горе.

ДО ОСНОВЪЯНЕНКА,

Бють пороги, мисяць сходять,
Якъ и перше сходывъ —
Нема Сичи, пропавъ и той,
Хто всимъ верховодывъ,
Нема Сичи — очереты
У Днипра пытають :

«Де-то наши диты дилысь?
Де воны гуляють?»
Чайка скиглыть, летаючи,
Мовъ за дитьмы плаче,
Сонце гріе, витерь віе
На степи козачій.
На тій степи скризь могымы
Стоять, та сумують —
Пытаютця у буйного:
«Де наши панують?
Де панують, бенкетують?
Де вы забарымысь?...
Вернитесь! — Дывитесь,
Жыта похымымысь,
Де паслыся ваши кони,
Де тырса шумила,
Де кровь Ляха, Татарына
Моремъ червонила —
Вернитесь!» —

.

Слава не поляже;
 Не поляже; а роскаже,
 Що діялось въ свити,
 Чья правда, чья кривда
 И чьи мы диты.—
 Нашъ завзятый Головатый
 Не вмре, не загине:
 Отъ де, люды, наша слава,
 Слава Украины, —
 Безъ золота, безъ каминю,
 Безъ хытрон мовы,
 А голосна, та правдыва,
 Якъ Господа слово... —

Чы такъ, батьку - Отамане?

Чы правду спиваю? —

Эхъ! Якъ бы то... Та шо й казать! —

Кебеты не маю.

.

— Не потурай! — Може скажешь —

Та шо зъ того буде?

Насміютця на псаломъ той ,

Що вылью сліозамы ,

Насміютця!... Тяжко, батьку!

.

Поборовсябъ,

Якъ бы малось сымы;

Заспивавъ бы — бувъ голосокъ, —

Та позычки ззылы...

Оттаке-то лыхо тяжке

Батьку ты мій, друже!

Блужу въ снігахъ, та самъ соби:

«Ой не шумы, луже!»

Не втну бильше—а ты, батьку!

Якъ самъ здоровъ знаешь,
 Тебе люды поважають,
 Добрый голосъ маешь —
 Спивай же имъ, мій голубе!
 Про Сичь, про могымы —
 Колы яку насыпалы,
 Кого положымы,
 Про старыну, про те дыво,
 Що було, минуло:
 Утны, батьку! щобъ нехотя
 На весь свить почувы,
 Що діялось въ Украини,
 За що погыбала,
 За що слава Козацкая
 На всимъ свити стала. —

.

Утны, батьку, орле сызый!
 Нехай я заплачу,
 Нехай свою Украину
 Я ще разъ побачу,

Нехай ще разъ послухаю,
Якъ те море грае,
Якъ дивчына пидъ вербою
Грыця заспивае;
Не хай ще разъ усмихнетця
Серце на чужыни,
Покры ляже въ чужу землю,
Въ чужій домовыни.

ИВАНЪ ПИДКОВА.

В. П. ПЕРЕРИВЕРУ.

І.

Було колысь въ Украини, —
Ревилы гарматы;
Було колысь — Запорожци
Вмилы пановаты,
Пановалы, добувалы
И славу и волю —
Минулося — осталися

Могылы по полю,
Высокіи ти могылы,
Де лягло спочыты
Козацкее биле тило,
Въ кытайку повеите;
Высокіи ти могылы, —
Чорніють, якъ горы,
Та про волю нышкомъ въ поли
Зъ витрамы говорятъ;
Свидокъ славы, дидивщины
Зъ витромъ розмовляе,
А внукъ косу несе въ росу,
За нымы спивае:

Було колысь въ Украини —
Лыхо танціовало,
Журба въ шинку медъ, горилку
Поставцемъ кружала,
Було добре колысь жыты
На тій Украини —
А згадаймо, може серце
Хоть трошкы спочыне.

II.

Чорна хмара зъ за Лыману,
Небо сонце крые,
Сынъ море звирюкою
То стогне, то вые,
Днипра гырло затопымо....
— А нутѣ, хлопьята,

На байдакы! Море грае —
Ходимъ погуляты! —

Высыпалы Запорожци,
Лыманъ човны вкрылы.
«Грай же, мсре!» заспивалы.
Запинымысь хвыли,
Кругомъ хвыли, якъ ти горы, —
Ни земли, ни неба.
Серце мліе, — а козакамъ
Того тилько й треба, —
Плывуть соби, та спивають;
Рыбалка литае,
А попереду Отаманъ
Веде, куды знае;
Похожае вздовжъ байдака,
Гасне люлька въ роти;
Поглядае сюды-туды —
Де-то быть роботы?
Закрутившы чорни усы,
За ухо чупрыну,
Пиднявъ шапку — човны стали.

— Нехай ворогъ гыне!
Не въ Сынопу, Отаманы,
Панове — молодци!
А у Царьградъ до Султана
Поидемо въ гости. —
— Добре, батьку-Отамане! —
Кругомъ заревило.
— Спасыби вамъ! — Надивъ шапку.
Знову закъпило
Сынъ море. Вздовжъ байдака
Знову похожае
Панъ Отаманъ, та на хвылю
Мовчкы поглядае.

ТАРАСОВА НИЧЬ.

ИЗ. ИЗ. ЗАПРОСУ.

На распутти кобзарь сыдыть ,
Та на кобзи грае ,
Кругомъ хлопци , та дивчата ,
Якъ макъ росцвитае .
Грае кобзарь , прыспивуе ,
Вымовля словамы ,

Якъ Москали, Орда, Ляхы
 Былысь съ Козаками,
 Якъ сбиралася громада
 Въ недиленьку вранци,
 Якъ' ховалы козаченька
 Въ зеленимъ байраци, —
 Грае кобзарь, прыспивуе,
 Ажъ лыхо сміетця....

.

«Встае хмара зъ за Лыману,
 А другая зъ поля:
 Зажурылась Украина —
 Така їи доля!
 Зажурылась, заплакала,
 Якъ мала дытына —
 Нихто їи не ратуе!
 Козачество гине,
 Гине слава, батькивщина,
 Немае де дитысь,....

Вырастають не хрещени
Козацкіи диты,
Кохаютьця не винчани,
Безъ попа ховають,
Запродана жыдамъ вира,
Въ церкву не пускають!...
Якъ та галичъ поле крые,
Ляхы налитають,
Налитають — не ма кому
Порадонькы даты.
Обизвався Налывайко —
Нестало кравчыны (¹)!...
Обизвавсь козакъ Павлюга, —
За нею полынувъ.
Обизвавсь Тарасъ Трясыло
Гиркымы сліозамы:
«Бидна моя Украина
Стоптана Ляхамы!

.

Обизвавь Тарась Трясыло
 Виру рятоваты;
 Обизвався орель сызый —
 Та й давъ Ляхамъ знаты!
 Обизвався панъ Трясыло:
 — А годи журытця!
 А ходымъ лышь, паныбраты!
 Зъ Полякамы бытьця! —

Вже не тры дни, не тры ночи
 Бьетця панъ Трясыло —
 Одъ Лымана до Трубежу
 Трупомъ поле крылось....
 Изнемигся Козаченько,
 Тяжко зажурывся....
 А поганый Конецъ-Польскый
 Дуже звеселывся:

Зибравъ шляхту всю до купы,
Та й ну частоваты.

Зибравъ Тарасъ козаченькивъ

Порады прохаты:

— Отаманы-товарыши,

Браты мои, диты!

Дайте мени порадоньку, —

Що будемъ робыты?...

Бенкетують вражи Ляхы

Наше безголовья!...

— Нехай соби бенкетують,

Нехай на здоровья!

Нехай соби бенкетують,

Покы сонце зайде —

А ничь-маты пораду дасть;

Козакъ Ляха знайде.—

Лягло сонце за горою,

Зиркы засіялы, —

А козаки, якъ та хмара,

Ляхивъ обступалы.

Якъ ставъ мисяць середъ неба,

Ревнула гармата:
 Прокынулись Ляшкы-панкы —
 Никуды втикаты!
 Прокынулись Ляшкы-панкы,
 Та й не повставалы:
 Зійшло сонце—Ляшкы-панкы
 Покотомъ лежалы

Червоною гадюкою
 Несе Альта висты,
 Щобъ летилы крюкы зъ поля
 Ляшкывъ-панкывъ істы —
 Налетилы чорни крюкы
 Ляшенькывъ будыты.. —
 Зибралося козачество
 Богу помолытысь....
 Закрякалы чорни крюкы,
 Выймаючы очи, —
 Заспывалы Козаченькы
 Писню тыи ночи, —
 Тыи ночи кровавой,
 Що славою стала

Тарасови , козачеству ,
Ляхивъ що прыспала. —

Надъ ричкою въ чыстимъ поли
Могыла чорніе :

Де кровъ текла козацкая ,
Трава зеленіе.

Сыдыть крячокъ на могыли ,
Та зъ голоду кряче —

.
.

Умовкъ кобзарь , сумуючы —

Щось руки не грають!...

Кругомъ хлопци , та дивчата

Слизонькы втирають....

Пишовъ кобзарь по улыци —

Зъ журбы якъ заграе!

Кругомъ хлопци навпрысидкы ,

А винъ вымовляе :

«Нехай буде оттакычки!
Сыдять, диты, у запичку,
А я, зъ журбы, та до шынку,
А тамъ найду свою жинку,
Найду жинку, почастью,
Зъ вороженькивъ покепкую.

**ТАРАС ГРИГОРЬЕВИЧ
ШЕВЧЕНКО**

КОБЗАР

**ВОСПРОИЗВЕДЕНО
С ИЗДАНИЯ
1840 ГОДА**

**(НА УКРАИНСКОМ
ЯЗЫКЕ)**

**ВИДАВНИЦТВО
«ДНІПРО»,
КИЇВ,
1974**

**ЗДАНО
НА ВИРОБНИЦТВО
29.III 1974 РОКУ**

**ПІДПИСАНО ДО ДРУКУ
27.VI 1974 РОКУ**

**ПАПІР
ОФСЕТНИЙ № 2
84×100¹/₃₂**

**ФІЗИЧНИХ
ДРУКОВАНИХ
АРКУШІВ
3,625**

**УМОВНИХ
ДРУКОВАНИХ
АРКУШІВ
5,619+1 ВКЛ.**

**ОБЛІКОВО-
ВИДАВНИЧИХ
АРКУШІВ З ВКЛАДКОЮ
3,11**

**ЦІНА
КОМПЛЕКТА В ФУТЛЯРІ
65 КОП.**

**ЗАМОВЛЕННЯ
№ 439**

**ТИРАЖ
25 000**